

После Нового года Цзян Юй тоже отправился на художественную выставку. Среди присутствующих были сплошь знаменитости и богатые купцы, а также одаренные студенты престижных вузов, пришедшие перенять опыт под руководством профессоров. Казалось, самый воздух в зале был насквозь пропитан запахом славы и наживы.

Выставочный зал поражал своими масштабами, на стенах красовались ряды рам с картинами. Сюй Имин через призму собственного видения демонстрировал зрителям иные миры. Впрочем, мало кого волновало, сколько людей на самом деле способны понять его творения — все они явились сюда ради самого имени Сюй Имин.

Если говорить без утайки, даже если бы он намалевал кучу дерма, но поставил под ней свою подпись, её бы всё равно превозносили до небес. Такова суровая реальность.

Среди десятков полотен выделялось одно, совершенно выбивающееся из общего ряда. Оно называлось «Юноша в пшеничном поле». Эта картина разительно отличалась от прежней мрачной манеры Сюй Имина: здесь преобладала бурная палитра теплых тонов, излучавших умиротворение и солнечный свет.

Многие в изумлении вглядывались в полотно, ломая голову над тем, что же заставило этого признанного мастера живописи столь круто измениться.

Цзян Юй затерялся в толпе в кепке с козырьком, надвинутым так низко, что был виден лишь смутный контур его лица. Прислушиваясь к доносившимся вокруг разговорам, он прищурился, бросил беглый взгляд на картину, а затем принялся высматривать мужчину, непринужденно беседовавшего с кем-то неподалеку. Стоило признать: тот держался с неизменным изяществом и приковывал к себе всеобщее внимание.

Погода потеплела. Покинув книжную лавку и став личным моделью Сюй Имина, Цзян Юй на собственном опыте познал, как изнурительна работа натурщика — по несколько часов подряд замирать в одной позе.

Впоследствии всякий раз, когда Сюй Имин принимался писать его, Цзян Юй неизменно норовил прилечь. В итоге в мастерской скопилось множество изображений юноши в самых разных лежачих позах: одни излучали безмятежность, другие — демоническую дерзость, третьи — ленивую дремоту.

А вот в тех спрятанных под черной тканью рамах таился мир, способный увлечь человека в пучину греха. На тех картинах юноша неизменно принимал чувственные, соблазнительные позы, впери в художника безумный, дикий взгляд черных глаз. Пожалуй, на всем белом свете нашелся бы лишь один человек, способный по достоинству оценить и коллекционировать подобные творения.

Цзян Юй полагал, что на выполнение одного задания уйдет от силы год, но незаметно пролетело целых пять лет. Пять лет для его прежней жизни, где он наперегонки со временем отчаянно пытался заработать деньги, казались слишком долгим сроком. Цзян Юй уже успел

пережить поездку с Сюй Имином на его малую родину, в опустевший и навевающий тоску особняк, а также выходы в свет для знакомства с коллегами по цеху и превращение в единственного возлюбленного этого человека.

Они проводили вместе каждый день, почти не расставаясь, и у них не было ни единого шанса на предательство — ни в душевном, ни в телесном плане.

Тогда чего же всё-таки не хватало в их доверии, раз любовь выглядела столь глубокой?

Му Сыфань обзавелся семьей и делом, приняв из рук Му Чэня управление семейным бизнесом Му, однако слухи о нем не утихали. Содержанок, которых он заводил на стороне, набралось бы уже на несколько рядов. Когда один журналист брал интервью у популярной звезды, тот в шутку обмолвился, что внешне артист чем-то похож на некоего деятеля искусства.

Цзян Юй видел то интервью. Развернувшись к сидевшему рядом мужчине и прильнув ближе, чтобы вдохнуть привычный аромат туши и бумаги, он усмехнулся про себя, а на лице непроизвольно проступила насмешка.

— Му Сыфань к тебе просто привязан намертво, — произнес он. — У тех любовниц нос, глаза и рот — если разобрать и сложить заново, получится второй ты.

— В тот год, когда он стоял на коленях, стянув штаны и задрал задницу, умоляя меня, в этом было кое-что соблазнительное, — листая газету, бесстрастно ответил Сюй Имин. — Но у того парня слишком сильные скрытые мотивы.

— Что, сильнее, чем у меня? — притворившись равнодушным, Цзян Юй коснулся собственного лица. — Я что, выгляжу хуже него?

— Далеко до него.

Сюй Имин даже не поднял головы.

Уголки губ Цзян Юя дернулись, и он холодно усмехнулся:

— Тогда тебе стоит проверить глаза у врача.

— Не нужно.

Сюй Имин отбросил газету, притянул его за подбородок и нежно поцеловал:

— Уже поздно.

В тридцать пятый день рождения Сюй Имина Цзян Юй посадил целый сад саженцев роз. Он никогда не позволял романтике превратиться в нечто дешевое и всегда знал меру. Слушая его наставления о том, как удобрять почву и на какие детали стоит обратить внимание, Сюй Имин невольно поморщился: тон собеседника был таким, словно тот давал последние распоряжения перед смертью. Пытаясь перевести всё в шутку, он произнес:

— Говоришь так, будто к тому времени тебя уже не будет рядом.

— Трудно сказать, — в тон ему отозвался Цзян Юй.

Кисть в руке Сюй Имина дрогнула, и изысканный красный цветок розы на холсте был

безнадёжно испорчен.

Он нахмурился, глядя на человека, который из нескладного юноши превратился в статного красавца. В его чертах лица отчетливее проступили дерзость и проницательность. Стоило этому человеку посмотреть на тебя своими глазами, как ты оказывался под властью некой неодолимой притягательности. Каждый раз, когда они выходили на улицу, ловили на себе десятки взглядов — как от женщин, так и от мужчин.

Сюй Имин всегда боялся, что этот человек ему не принадлежит, поэтому эгоистично находил любые предлоги, чтобы тот не покидал его поля зрения. Несколько раз у него даже возникала мысль запереть его дома, он тайне заказал изготовление наручников и железной клетки.

Сюй Имин поднялся, рывком усадил Цзян Юя на обеденный стол и почти грубо сорвал с него одежду. Цзян Юю стало больно, он холодно прервал его:

— Что ты делаешь?

— Хочу тебя, — голос Сюй Имина охрип, и, не дожидаясь ответа, он стащил с него брюки.

Без всякой смазки, в мучительной боли, Цзян Юй почувствовал запах крови. Он в ярости лягнул Сюй Имина несколько раз, но, почувствовав, что этого недостаточно, схватил со стола вазу с фруктами и швырнул в него. Сюй Имин с привычной ловкостью увернулся, прижал его к себе еще крепче, так что на пояснице Цзян Юя проступили синяки.

Сюй Имин редко терял контроль до такой степени, но каждый раз после этого Цзян Юй оказывался весь в ссадинах, да и сам Сюй Имин выглядел не лучше — весь в царапинах, укусах и следах от ударов.

Их ссоры были бурными: Цзян Юй ленился и швырял по комнате всё, что попадалось под руку — от бутылок и банок до упаковок с сухим молоком, в порыве гнева вышвыривая за дверь даже Сюй Имина, который дня не мог прожить без порции молока.

Но как бы они ни ссорились, жизнь продолжалась.

— Динь. Поздравляю, господин Цзян, вы завершили основной сюжетный квест первого тома. У вас осталось два дня до выхода из этого мира.

Обычное утро. Услышав звук, которого ждал так долго, Цзян Юй на мгновение замер. Он повернул голову: Сюй Имин спал, прислонившись к его плечу, и его дыхание щекотало кожу на шее.

Сквозь панорамное окно пробивался бледный солнечный свет, наполняя комнату. Двое на широкой кровати лежали в тесных объятиях, только один смотрел в потолок, а другой сладко спал.

— Сюй Имин, — Цзян Юй зажал ему нос, пытаясь разбудить. — Если бы тебе осталось жить всего два дня, что бы ты сделал?

— Занимался бы с тобой любовью до изнеможения, — пробормотал мужчина сквозь сон.

Цзян Юй приподнял бровь и выполнил желание Сюй Имина.

Два дня спустя, когда пришло время уходить, Цзян Юй лежал в объятиях Сюй Имина. Совсем недавно между ними закончилась очередная битва, и в воздухе повисло ожидаемое чувство нежелания расставаться.

— Я ухожу, — Цзян Юй похлопал мужчину по щеке и беззаботно улыбнулся. — Сюй Имин, береги себя.

Улыбка на его губах постепенно угасла. Он наклонился и коснулся губами губ спящего мужчины.

— Прощай, милый.

Цзян Юй сел в кресло-качалку, которое они купили вместе с Сюй Имином, закурил сигарету и сделал затяжку. В его прищуренных глазах, возможно, таилась печаль или боль, а может, не осталось уже ничего.

Небо за окном медленно погружалось во тьму, весь мир вокруг начал исчезать. Цзян Юй оглянулся, возможно, желая в последний раз взглянуть на мужчину на кровати, но зрение уже затуманилось, и всё расплывалось в мутной пелене.

Он разочарованно пошевелил губами и медленно закрыл глаза.

Сквозь полуприкрытое окно ворвался ветер. Юноша перестал дышать, сигарета в его пальцах продолжала тлеть, а кресло-качалка мерно покачивалось из стороны в сторону.

<http://bllate.org/book/25413/3029639>